

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Историческая школа в политэкономии и марксистско-народническая полемика

Первым русским пропагандистом идей исторической школы стал И.К. Бабст, начавший публиковать статьи о ней сразу же после прославившей его речи «Об условиях умножения народного капитала» — первого возгласа раскрепощенной экономической мысли России эпохи «великих реформ». Бабст перевел 1 том книги В. Рошера «Начала народного хозяйства с позиций исторического метода» и указал, что новое направление предполагает опору на «груды подробных статистических исследований» и на изучение разнообразных сторон народной жизни в связи с географией и правом. основополагающим трудом исторического направления в российской политэкономии стала монография ученика Бабста А.К. Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России» (1861). В ней был предложен системный подход к оценке мелкого кустарного производства крестьянских семей в России.

В Западной Европе вследствие *индустриальной революции* (Корсак использовал это понятие первым из российских экономистов) фабричная система достигла соединения качества, дешевизны и массовости изделий, благодаря чему вытеснила прежние формы промышленности — старое цеховое ремесло и мануфактуру,

включая надомное производство. В России, не знавшей традиции *специализированного* ремесленного мастерства вольных *городских* цехов, *сельские* домашние *оптовые* ремесла, рассчитанные на отдаленный сбыт, оказались более живучими. Этому способствовали высокие издержки фабрикации, отсутствие стандартов качества рукоделий и наличие естественных преград для перехода к улучшенным (*плодопеременным*) системам полеводства, делающим необходимой и выгодной специализацию хозяйств исключительно на земледелии.

Вывод первого российского компаративиста был двояким: «ничтожные в отдельности, но сильные в массе промыслы наших крестьян» являются следствием не самобытности, а замедленности экономического развития России; однако они могут послужить основой форм, альтернативных обезземеливанию и фабричному скоплению бескапитального люда, — если предпринять усилия по развитию ссудосберегательной и сбытовой кооперации, которая бы избавила мелкое хозяйство от диктата монополистов-посредников («кулаков») между ним и рынком.

А.К. Корсак был чужд славянофильской идеализации общины и упомянул о ней лишь однажды и то для того, чтобы высмеять немца Гакстаузена, уподобившего русские сельские общины «ассоциациям», проповедуемым сен-симонистами. Однако своей верой в артельное преобразование кустарных промыслов Корсак предвосхитил концепции экономистов-народников, защищавших общинный уклад с «подспорной при земледелии» промышленностью. С другой стороны, его концепция оптовых ремесел была взята на вооружение российскими марксистами в их критике народнических представлений о хозяйственной «самобытности».

Наконец, А. Корсак опередил экономистов германской «новой» исторической школы указанием на то, что рассеянное надомное производство, организованное скупщиками-предпринимателями, достаточно широко распространено и на Западе, где процесс промышленного развития от цехового ремесла к мануфактуре и фабрике не был однолинейным. Собранные германскими «катедер-социалистами» факты свидетельствовали, что первым типом капиталистического предприятия была не централизованная, а «рассеянная» мануфактура — система домашней промышленнос-

ти (см. Кулишер 2004, т. 2, с. 107). Это уточнение исторических ступеней промышленного развития и критика схем «Капитала» К.Маркса в изложении генезиса крупного производства стали частью реформистского «катедер-социализма».

Русским последователем «катедер-социализма» был И.И. Иванюков, автор курса «Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений» (1885, 3-е изд. — 1891). Он сочетал применение категориального аппарата «Капитала» при характеристике *капиталистической* формы производства с выводом, что «на высоте основного вопроса русской жизни» находятся *семейные формы производства*, связанные с общинным землевладением и кустарной промышленностью. С укреплением кустарного производства в рамках общинно-артельного уклада Иванюков связывал будущий эволюционный переход России к социализму, сходясь в этом с русским народничеством.

Противоположный подход, резюмированный формулой «пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», выразил в полемике с народниками Н.И. Зибер, оценивший Марксову схему промышленных стадий как «философию истории капиталистической эпохи в ее целом», «так сказать, остеологию общественной науки». Считая невозможным миновать фабричную систему, Зибер предрекал разложение кустарных промыслов как разновидности капиталистической мануфактуры.

Обоснование этой позиции было с азартом продолжено в конце XIX в. «легальными марксистами» и В. Ульяновым-Лениным, избравшими мишенью хлесткой критики «народничество» — прежде всего в лице В.П.Воронцова, утвердившего в русском языке понятие «капитализм». В обширной историографии, посвященной разбору самой громкой русской экономической дискуссии XIX в. — «марксистско-народнической» полемике, обойдено вниманием совпадение этого спора с поворотным пунктом в эволюции германской «новой» исторической школы в политэкономии: переходом от сугубо фактографических историко-хозяйственных монографий к теоретическим трактатам — таким, как «Происхождение народного хозяйства» (1893) К. Бюхера и «Современный капитализм» (1902) В. Зомбарта.

Бюхер, развернув во времени *классификацию форм промышленности*, обосновал периодизацию хозяйственной жизни по

критерию длины пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя. За ступенью замкнутого *домашнего хозяйства* (1), где предметы потребляются в том же хозяйстве, где произведены, следует ступень *городского хозяйства*, где произведенные предметы непосредственно поступают в потребляющее хозяйство — работа бродячих ремесленников на заказ домохозяина (2) и затем цеховое ремесло (3). С удлинением пути обмена до масштабов *народного хозяйства* развивается промышленность в кустарной (4) и фабричной (5) формах.

Схема Бюхера представляла особый интерес для осмысления экономической эволюции России. С одной стороны, сам германский исследователь привел русских в качестве примера народа, не прошедшего стадию *городского хозяйства* и потому не знавшего «настоящего ремесла». С другой стороны, подразумевавшиеся в марксистско-народнической полемике модели будущего России исходили из альтернативного истолкования стадии *народного хозяйства*: народническая — из возможности перейти от кустарной промышленности (избежав фабричной) к обобществленному «народному производству» посредством смешанной общинно-кооперативно-государственной формы; марксистская — из неизбежности господства фабрики как завершения капиталистической формации, за которым последует социалистическое общество.

Исключением был П. Струве, сразу же объявивший, что «можно быть марксистом, не будучи социалистом», отделяя «эволюционное историческое учение» Маркса от «мечты о диктатуре пролетариата в целях насаждения социализма». Поэтому, высоко оценив «замечательные этюды» К. Бюхера, П. Струве приветствовал и появление работ молодого амбициозного представителя исторической школы В. Зомбарта, категорически отвергавшего «гипотезу о блаженном состоянии после торжества социализма», но ставившего в заслугу К. Марксу открытие «подлинного предмета экономической науки» — «современного капитализма». Зомбарт отрицал схему Бюхера, усматривая в понятии «народное хозяйство» неудачную подмену именно категории «современный капитализм», но не принимал и намеченную Марксом схему общественно-экономических формаций.

В начале XX в. Зомбарт оставил далеко позади всех западных экономистов-современников по числу русских переводов своих

сочинений. Методологической основой своей программы изучения эволюции современного капитализма он избрал Аристотелево разграничение экономики и хрематистики, предлагая классифицировать формы хозяйства по критерию соотношения в них деятельности, направленной на удовлетворение потребностей в конкретных благах (потребительное хозяйство), и деятельности, мотивируемой жаждой денег (приобретательское хозяйство). Из этого соотношения Зомбарт в своих дальнейших исследованиях выводил и уровни специализации в хозяйстве, и рост обобществления, и технический прогресс, и конъюнктурные колебания.

«Строгий последователь исторической школы {по характеристике Туган-Барановского}», И.И. Янжул считал «гвоздем» собственных исследований выработанную «самостоятельно, без всякого влияния Маркса» (Янжул 1910, с. 116) идею отражения борьбы классовых интересов на характере торговой политики и финансовых учреждений. Убежденный в необходимости капиталистической индустриализации России, Янжул приветствовал антинароднический пафос «легального марксизма» Струве (Янжул 1895, с. 402).

Быстро распавшись как направление, «легальный марксизм» своей дискуссионной инициативой и рецепцией новых идей германской исторической школы способствовал кристаллизации других направлений. Аграрное «организационно-производственное направление» самоопределялось с учетом полезного для народничества урока от марксистского объяснения разрушительной работы капитализма в России как «желательной необходимости» для развития производительных сил страны (Макаров 1918, с.15—16); Н. Огановский начал разработку теории *аграрной* эволюции полемикой с марксистской постановкой аграрного вопроса и бюхеровской схемой хозяйственных стадий. Концепции Бюхера и Зомбарта были учтены А. Богдановым и И. Степановым в рассчитанном на революционную социал-демократическую аудиторию изложении «политэкономии в широком смысле слова».

Что касается прямого продолжения «плодотворной работы над историей хозяйственного быта» (Струве 1901, с. VII), то наиболее видной фигурой здесь стал Кулишер, стажировавшийся в самом начале XX в. у лидера «новой» исторической школы Г. Шмоллера в Берлине и у ее австрийского последователя К.Т. Инама-Штернега

в Вене. В программной статье он выделял два главных пункта связи науки экономической истории с современностью: анализ новой стадии крупной промышленности — смену свободной конкуренции «социальным предприятием», связанным союзными организациями различного рода (особенно синдикатами предпринимателей), и обоснование мер социальной политики (фабричное законодательство, страхование, коллективные договоры). Кулишер занялся разработкой курса истории хозяйственного быта как «применения эволюционного метода к теоретическим категориям хозяйственной жизни», учитывая опыт всех поколений германской исторической школы, начиная с ее предшественника Ф. Листа, и подчеркивая задачу *периодизации* экономического развития.

**Исторические периоды
хозяйственного быта и
эволюция прибыли с капитала:
И.М. Кулишер**

И. Кулишер последовательно придерживался той средней линии между крайностями классической школы и социализмом, которую пыталась прочертить историческая школа. Отвергая революционные доктрины, она не только признала необходимость социальной политики в интересах рабочего класса, но и обратилась к основательному изучению истории хозяйственного быта для доказательства, что «государственное невмешательство не есть естественное состояние». Признав значимость категории предельной полезности, Кулишер отверг методологический индивидуализм австрийской школы, считая игнорирование коллективной психологии и социальной стороны экономических явлений особо неуместным в период «социализации» крупного производства. Оценивая анализ генезиса и развития капиталистического способа производства К. Марксом более высоко, чем внеисторическую теорию капитала Э. Бем-Баверка, Кулишер дистанцировался, однако, от контрастной картины «исторической тенденции капиталистического накопления», акцентировав роль капитала как накопленных результатов творческого и исполнительского труда в *преемственности* че-

ловеческой культуры. «В хозяйственной жизни связь между поколениями, между прошлым и будущим, выражается в возможности пользоваться капиталом» (Кулишер 1911, с. 61).

Приняв за отправной пункт собственных исследований периодизацию Бюхера, в которой эволюция форм промышленности сопровождается распространением сферы влияния капитала вплоть до полного охвата им национальной экономики¹, Кулишер примирил ее со схемой Зомбарта, отождествив «современный капитализм» не со стадией *народного хозяйства*, а со сменяющей ее вместе с развитием крупного машинного производства и парового транспорта стадией *мирового хозяйства*.

В соответствии с 4 периодами хозяйственного развития были выделены 4 фазы в эволюции прибыли с капитала: возникновение прибыли из насильственного захвата имущества; извлечение монопольной прибыли из дохода потребителя, являющегося слабой стороной на рынке; эксплуатация труда рабочего предпринимателем, на стороне которого сначала стоит и государство; возрастание роли творческого труда изобретателя как источника прибыли и «постепенное исчезновение прибыли, извлекаемой из труда рабочего».

Для разных периодов Кулишер считал правильными разные теории прибыли. Теория эксплуатации рабочей силы верна для периода народного хозяйства (XVI—XVIII века) и отчасти для периода мирового хозяйства. С образованием мирового рынка и развитием мануфактурного производства исчезла прибыль, которую раньше уплачивал потребитель купцам и цеховым мастерам. Товары стали обмениваться на рынке не в зависимости от силы того или другого монопольного производителя или посредника, а в соответствии с воплощенным в них количеством труда. Однако мануфактуристы извлекали прибыль из эксплуатации наемных, особенно на-

---

1. Капитала нет на ступени домашнего хозяйства; в бродячем ремесле капиталом в руках работника являются инструменты; в цеховом — инструменты, помещение и сырье; в кустарной системе производства капиталом становится и продукт — но в руках не работника, а купца-предпринимателя. Кустарь не имеет ничего общего с рынком сбыта своих изделий — раньше, чем перейти к потребителю, продукт становится средством наживы одного или нескольких посредников-купцов. Наконец, в фабричной системе все составные части капитала сосредоточены в руках фабриканта-предпринимателя, который сам занимается и сбытом своих товаров — тогда как рабочая масса лишена какого-либо капитала.

домных, рабочих, пользуясь поддержкой правительственной власти, таксировавшей заработную плату.

В продолжение исследований экономистов «новой» исторической школы и М.И. Туган-Барановского Кулишер осуществил первое развернутое сопоставление мануфактурного периода в разных странах, показавшее отсутствие принципиальной противоположности в эволюции Запада и России на этой стадии промышленности. Такие видные исследователи, как А.К. Корсак и П.Н. Милюков, считали, «если на Западе мануфактуры стали начатками свободы, то у нас они только усилили рабство»: Петр I, желая разом ввести в стране почти все производства, существовавшие тогда в Европе, искусственно насаждал в России крупную промышленность, привлекая иностранцев и опираясь на принудительный труд.

Кулишер показал, что, во-первых, быстрое закрытие многих субсидированных государством предприятий не означало безрезультатности усилий по стимулированию промышленного роста; без петровских реформ не было бы подъема горнозаводских и обрабатывающих отраслей при Екатерине II, охарактеризованного в известной полемичной статье Е.В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?». Аналогичные интервалы между правительственным почином и отдаленным на несколько десятилетий производственным эффектом можно видеть во Франции и Германии, промышленность которых, как и российская, была во многом искусственным творением меркантилизма. Причем основной ее формой, даже в рамках кольбертизма, было не централизованное предприятие, а надомное производство — заказы скупщиками-капиталистами мелким ремесленникам (сохранявшим лишь видимость независимости) и рабочим (Кулишер 2007, с. 87).

Во-вторых, приглашение иностранцев с предоставлением им привилегий было общим правилом для введения новых отраслей. Французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами, прусская — гугенотами. Англия началом своего промышленного лидерства была обязана голландцам и фламандцам, получавшим патенты от короны и внедрявшим производство шерстяных тканей, ярких красок, мыла, селитры, оконного стекла, проволоки, часов с маятником и многого другого (Кулишер 2004, т. 2, с. 105).

Многочисленные факты инновационного вклада иммигрантов (особенно нидерландских и французских протестантов) в мануфактурную промышленность разных стран Европы интересны в связи с современной проблематикой роли диаспор в мировой экономике. В контексте же формирования «национальных хозяйств» привлечение иностранцев для насаждения новых производств, способствовавшее широкому распространению промышленных элементов населения по всей Европе, можно рассматривать как характерную для эпохи меркантилизма форму ключевого *геоэкономического* противоречия между «политическим контролем территории» и «логикой потоков» (Моро-Дефарж 1995, с. 107), включая борьбу правительств (особенно французского) с эмиграцией квалифицированной рабочей силы.

Пересматривая вслед за германскими экономистами упрощенную оценку меркантилизма как стремления привлечь возможно больше звонкой монеты в страну, Кулишер характеризовал меркантилизм как набор разнообразных стеснительных и поощрительных мер, направленных на создание «более обширного рынка, постепенно совпадающего с пределами государства» (Кулишер 2004, т. 2, с. 3). Важную роль в территориальной логике национального хозяйства играло взаимодействие кустарной промышленности с военными нуждами государства. Появление с XVI в. больших армий (первоначально наемных) вызвало расширенный по сравнению с городским ремеслом спрос, но с гарантированным потребителем — государством; а тем самым массовое производство и новую организацию снабжения, направляемую поставщиками-скупщиками. Отличительными особенностями производства для потребностей армии были однородность вырабатываемых изделий и необходимость скорой доставки их большого количества. Поэтому рядом с производством вооружения и снаряжения развивались не только крупные предприятия, стимулировавшие прогресс металлургии и станкостроения, но и массовое надомное производство форменной одежды, парусины и т. д.

Наконец, принудительный труд играл огромную роль не только в русских посессионных и вотчинных, но и в первых западноевропейских мануфактурах, которые создавались в тюрьмах, приютах и т.п. местах как исправительные «рабочие дома».

Подвергнув критике отдельных представителей исторической школы (в частности, Г.Шенберга) за *идеализацию* средневековых хозяйственных укладов и институтов, Кулишер полемизировал и с марксистской трактовкой промышленного переворота как резкого скачка в усилении эксплуатации труда. Задолго до внедрения машин существовало и приближение рабочего дня к физиологическому максимуму, и использование труда женщин и детей в нездоровых отраслях производства, не говоря уже о регулярных неурожаях и голодовках, сопровождавшихся моровой язвой и людоедством.

Таким образом, промышленный переворот не создает, а наследует крайние формы «наемного рабства», но он кладет начало превращению творческого труда изобретателя в источник массовой прибыли и *потребительского излишка* в эпоху *мирового хозяйства*, которую Кулишер делит на две фазы, разделяемые условно-хронологической гранью. Первая фаза, охватившая конец XVIII в. и две трети XIX в., характеризуется постепенной отменой институтов, стеснявших свободную конкуренцию в сельском хозяйстве, промышленности и торговле — сеньориального строя, полевых сервитутов, цеховой системы, монопольных компаний, экспортно-импортных ограничений. Торжество принципа экономической свободы переходит в отрицание всякого единения лиц одной профессии или класса для совместной защиты своих интересов, что благоприятствует сохранению эксплуатации физического исполнительного труда как главного источника прибыли с капитала.

Однако конец XIX в. Кулишер связывает с наступлением иной фазы. «На пустом месте, оставшемся от разрушенного здания ограничений XVI—XVIII вв.», возникает новое — в виде акционерных обществ, синдикатов и трестов, профсоюзов, кооперативов, палат соглашения и т. д., а также фабричного законодательства, обязательного страхования, муниципальных предприятий (Кулишер 2004, т. 2, с. 458).

Рост организаций, отстаивавших интересы физического исполнительного наемного труда (сокращение рабочего дня, коллективные договоры, повышение заработной платы и т. д.) уменьшает его роль как источника предпринимательской прибыли, извлекаемой все более из добавочного продукта крупной промышленности в результате усилившейся производительности умственной работы,

воплощенной в технике. Сведение меновой ценности к количеству затраченного в производстве физического исполнительного труда и упущение из виду творческого труда изобретателя как источника промышленной прибыли Кулишер считал главной ошибкой теории прибавочной ценности К. Маркса, присоединяясь к критике «теории обнищания», хотя и не отрицая отдельные соответствующие ей тенденции (особенно в «потогонной системе» западноевропейской домашней промышленности).

С другой стороны, за две трети XIX в. железные дороги и пароходство, товарные и фондовые биржи, «разомкнув» народное хозяйство, привели к удешевлению промышленной продукции к выгоде для потребителя, получившего возможность покупать товары по ценам, значительно более низким, чем те, за которые потребитель согласился бы уплатить, — эффект *потребительского излишка*, описанный А. Маршаллом в «Principles of Economics».

Но в противоположность Маршаллу и в согласии с германскими экономистами Кулишер характеризует современную ему эпоху как смену свободной конкуренции капиталистических предприятий «новой хозяйственной организацией», создаваемой разного рода союзами с синдикатами предпринимателей как наиболее влиятельными из них.

«Лекции по истории экономического быта Западной Европы» Кулишера снискали широкую известность и недавно роскошно переизданы как классика экономической истории, однако нельзя не отметить, что в нарисованной в них историко-экономической картине эволюционно-стадиальный подход растворяется в богатейшем фактическом материале. Стремление обнаружить преемственность и постепенность без резких разделительных граней привело к недостаточному осмыслению характера стадиальных переходов и в конечном счете к приглушенным тонам в изображении той конфликтности, которой они сопровождались. Соглашаясь с германским историком-экономистом

К. Лампрехтом относительно вероятного постепенного, но полного преобразования «так называемого капиталистического строя» через регулирование государством деятельности синдикатов, И. Кулишер оставил в стороне их связь с ожесточенной борьбой за *передел* мирового хозяйства; в более чем 1000-страничном труде

всего одна (!) страница посвящена колониальной политике мировых промышленных держав, понятие «империализм» отсутствует.

Первое в русской экономической литературе теоретическое истолкование «нового» империализма было сделано И. Степановым (1913) вскоре после русского перевода им же (1912) знаменитого трактата Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910). Анализ перехода капитализма в новую империалистскую фазу, диктуемую международным господством финансового капитала и характеризующую нарастающей быстротой межгосударственных и классовых противоречий, был интегрирован И. Степановым и его соавтором А. Богдановым в марксистскую *политэкономию в широком смысле слова*.